

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Плотников И.М. Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных типовых синтаксических структур сургутского диалекта хантыйского языка в типологической перспективе // Филология: научные исследования. 2025. № 8. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.8.75450 EDN: UKDRTS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75450

Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных типовых синтаксических структур сургутского диалекта хантыйского языка в типологической перспективе

Плотников Илья Михайлович

ORCID: 0000-0002-6416-689X

младший научный сотрудник; Институт филологии СО РАН

630090, Россия, Новосибирская обл., г. Новосибирск, Советский р-н, ул. Николаева, д. 8

✉ iliaplotnikov@gmail.com

[Статья из рубрики "Синтаксис"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.8.75450

EDN:

UKDRTS

Дата направления статьи в редакцию:

08-08-2025

Аннотация: Объектом исследования являются типовые синтаксические структуры сургутского диалекта хантыйского языка с прототипической семантикой бытия, движения и перемещение. Предметом – их коммуникативная вариативность, которая выражается в функционировании их вариантов, противопоставленных, с одной стороны, коммуникативно релевантными характеристиками, приписываемыми отдельным компонентам структуры, и с другой стороны, серией формальных средств (порядок составляющих, интонация, морфосинтаксическая вариативность). Так как существование в рамках одного языка разнотипных средств выражения коммуникативных значений составляет один из проблемных аспектов коммуникативного анализа, особое внимание удалено рассмотрению совокупности этих средств как единой системы, обеспечивающей выражение ключевых коммуникативных оппозиций, и потенциалу анализа характера взаимодействия этих средств в сравнительно-

сопоставительных исследованиях с опорой на типологию коммуникативных систем Р. Ван Валина. Материалом исследования послужила выборка реализаций бытийно-пространственных типовых синтаксических структур в текстах на сургутском диалекте хантыйского языка. В результате анализа отобранных высказываний с точки зрения основных средств формирования коммуникативных значений и участия эти средств при формировании значимых коммуникативных оппозиций выделены коммуникативные варианты, образующие парадигму каждой типовой синтаксической структуры. Проведенное исследование показывает, что порядок составляющих и интонация являются преобладающими средствами формирования базовых оппозиций, обусловленных выбором ведущего компонента ремы высказывания. Этот вывод контрастирует с распространённым представлением о преобладающей значимости для коммуникативной системы хантыйского языка морфосинтаксических способов варьирования синтаксических структур, таких как страдательный залог, объектное спряжение и способы маркирования входящих в них именных групп. Рассмотрение этих способов варьирования в контексте коммуникативной парадигмы разных типов синтаксических структур в сопоставлении с другими средствами показывает ограниченность их коммуникативных функций по сравнению с более общей системой линейно-интонационных оппозиций. Результаты этого анализа позволяют, обращаясь к типологии коммуникативных систем Р. Ван Валина, отнести рассматриваемую коммуникативную систему к типу, определяющими характеристиками которого является подвижность порядка составляющих в сочетании с ограниченной областью ремы.

Ключевые слова:

хантыйский язык, сургутский диалект, бытийно-пространственные предложения, типовая синтаксическая структура, коммуникативная парадигма, актуальное членение, порядок составляющих, фразовая интонация, морфосинтаксическая вариативность, типология

Введение

Несмотря на наличие длительной традиции изучения структурно-семантического синтаксиса языков коренных народов Сибири, коммуникативная вариативность выделяемых на структурно-семантическом уровне синтаксических единиц в большинстве случаев остается малоизученной. Системный анализ коммуникативной вариативности осложнен разнообразием формальных средств, задействованных при варьировании, которые могут как находиться в отношении взаимного дополнения, так и выполнять разные коммуникативные функции. Изучение взаимодействия таких средств составляет одно из перспективных направлений сравнительно-сопоставительных исследований.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение коммуникативной системы хантыйского языка – одного из языков малочисленных коренных народов Сибири – на материале одного из его диалектов (сургутского) с целью выявления черт, актуальных для её характеристики с перспективы типологической и ареальной лингвистики.

Кроме разнообразия средств, отдельным фактором, осложняющим сопоставительный анализ коммуникативных систем, является неоднородность коммуникативной вариативности разных синтаксических построений. В данной работе рассматривается коммуникативная парадигматика **типовых синтаксических структур** (ТСС), репрезентирующих ряды синтаксических построений с общей структурой и прототипической семантикой [1]. В качестве объекта анализа выбран ряд базовых ТСС с

прототипической бытийно-пространственной семантикой: ТСС бытия, движения и перемещения. Компоненты этих ТСС в данной работе условно обозначаются терминами субъект (S), объект (OB), локализатор (LOC) и предикат (PR), указывающими на соответствие между компонентом и его семантической ролью в ядерных реализациях ТСС. Общая характеристика этих ТСС приведена в Табл. 1.

Таблица 1. Рассматриваемые бытийно-пространственные ТСС

ТСС	Набор компонентов	Прототипическая семантика
бытия	S LOC PR	статическая локализация S относительно PR
движения	S LOC PR	динамическая локализация S относительно PR
перемещения	S OB LOC PR	статическая или динамическая локализация OB относительно PR, каузируемая S

Исследование проводится на материале корпуса, состоящего в основном из фольклорных и художественных текстов на сургутском диалекте хантыйского языка. Выбор связных текстов позволяет использовать контекст для анализа роли компонентов реализаций ТСС в общем процессе коммуникации, а также оценить частотность разнообразных типов высказываний и сочетаемость их признаков. Основной для дальнейшего анализа является выборка из 1601 реализации рассматриваемых ТСС. Результаты исследования дополнительно верифицированы в ходе полевого исследования с использованием метода элицитации.

1. Коммуникативная парадигматика бытийно-пространственных ТСС в СДХЯ

На основе анализа отобранных высказываний построены коммуникативные парадигмы рассматриваемых ТСС, учитывающие три направления их формального варьирования: порядок составляющих, интонацию и конструктивное варьирование. Так как порядок составляющих и интонация тесно переплетены, мы охарактеризуем их в рамках единого линейно-интонационного варьирования.

1.1. Линейно-интонационное варьирование

Общая интонационная система СДХЯ и порядок составляющих ТСС бытия и движения были рассмотрены нами в предшествующих публикациях [2-4], поэтому в данной статье мы ограничимся их обобщенным описанием.

Хантыйский язык последовательно характеризуется различными исследователями как типичный язык с порядком составляющих SOV: подлежащее располагается в начале высказывания, сказуемое – в конце, а прямое дополнение – между ними [5, с. 337; 6, с. 315; 7, с. 220]. Большинство исследователей также отмечает подвижность порядка составляющих и его значимость для коммуникативного устройства высказываний хантыйского языка. Общие принципы вариативности порядка составляющих определяются стратегией помешания рематического компонента высказывания в предглагольную позицию [8, с. 57-61; 9, с. 34-35; 10, с. 177], которая рассматривается как характерная черта языков SOV с фиксированной финальной позицией предиката [11].

Анализ рассматриваемой выборки позволяет говорить о наличии общей для всех рассматриваемых ТСС системы линейно-интонационных оппозиций, связанной с выбором центрального рематического компонента высказывания. Такой компонент маркируется ником частоты основного тона (*) и в большинстве случаев действительно помещается в

предпредикатную позицию. Кроме того, в качестве ремы может выступать предикат, который в таком случае сохраняет свою позицию в конце высказывания. Например, для реализаций ТСС, включающих эксплицитно выраженные субъект, предикат и локализатор, эта оппозиция имеет вид:

S LOC* PR: (1) *Мин түвәт күчәүнә умәсмән* [12, с. 111] 'Мы сидели **возле костра**'

LOC S* PR: (2) *Кэр өүвтынә пөлтүни путәли омәсл* [13, с. 6] 'На печке стоит **горшок с жиром**'

S LOC PR* / LOC SPR*: (3) *Мәңк Ики йайған әнтәм* [13, с. 6] 'Менк-ики в доме **нет**'

Исключение составляет возможность помещения некоторых локализаторов, выраженных наречиями и местоимениями, в позицию между предикатом и рематическим субъектом:

S* LOC PR: (4) *әй үот төт омәс* [13, с. 10] 'там стоит **один дом**'

Коммуникативные варианты LOC S* PR и S* LOC PR находятся в относительно свободной конкуренции, так как наблюдаются в группе сходных коммуникативных контекстов разных типов. Мы предполагаем, что наличие таких вариантов может быть связано со спецификой этих типов локализаторов, которые по своей частеречной природе обладают ограниченным коммуникативным потенциалом и потому могут рассматриваться как непрототипические.

В случае ТСС бытия оппозиции между коммуникативными вариантами SLOC* PR и LOC S* PR традиционно описывается как противопоставление предложений существования и местонахождения [14, с. 38; 15, с. 56; 16, с. 976], которое может быть мотивировано как семантическими, так и коммуникативными факторами (более подробное этого вопроса см. в [17]). Мы обращаем внимание, что оппозиции такого типа в СДХЯ являются общим компонентом линейно-интонационной системы и наблюдаются также в парадигмах ТСС движения и перемещения.

Варианты реализаций бытийно-пространственных ТСС, в которых предикат занимает нефинальную позицию, встречаются в единичных примерах, составляющих 2–5 % выборки в зависимости от ТСС и потому рассматриваются как периферийные.

1.2. Конструктивное варьирование

Конструктивными вариантами мы считаем разновидности реализации ТСС, различающиеся синтаксической структурой, но интерпретируемые как входящие в парадигму одного ТСС на основании общности их семантики. Анализ вариантов как компонентов коммуникативной системы СДХЯ отражена в работах Н. Б. Кошкаревой [9] и С. Coca [10].

Нами рассмотрены четыре типа конструктивных вариантов бытийно-пространственных ТСС.

Тип I. Варианты, наблюдаемые при эллипсисе предиката, связанные с возможностью согласования наречия в позиции локализатора с субъектом по числу и употребления расширенных вариантов указательных местоимений тәт 'здесь' и төт 'там':

(5) *күрхәлам нөнам=ән* [13, с. 9] 'мои ноги наверху'

(6) *кäтам тäтты* [18, с. 11] 'моя рука здесь'

Тип II. Варианты, обусловленные употреблением субъектного или субъектно-объектного спряжения предиката:

(7) *Пäх ньолэл вäй* (PR_{SUBJ}) [19, с. 161] 'Мальчик взял свою стрелу'

(8) *Чу үирхэл вäй=täx* (PR_{OBJ}) [19, с. 199] '(Он) взял свой мешок'

Тип III. Варианты, обусловленные употреблением действительного или страдательного залога предиката, которая отражается в вариативность стратегии маркирования субъекта, локализатора и объекта:

(9) *□□ваты мä□ □θ, мойэ□та(S_{LOC} Nom) йөвэт* (PR_{ACT}) [19, с. 179] 'К нему проезжий человек, гостевой человек приехал'

(10) <...> *эй мäта иттэннä пулинä (S_{LOC}) йөвты* (PR_{PASS}) [20, с. 53] 'как-то вечером (к нему) медведь пришел'

Широкое употребление глаголов, в том числе непереходных, в форме страдательного залога является одной из характерных особенностей обско-угорских языков [7, с. 153]. Синтаксические построения, в которых употребляется страдательного залога в обско-угорских языках, разнообразны по формальным свойствам и функциям [21]. В данной работе мы не рассматриваем случаи безличного пассива, употребление которого обусловлено рядом факторов, связанных с варьированием ТСС по категории лица, и потому не может рассматриваться как исключительно коммуникативный вариант.

Тип IV. Варианты, обусловленные стратегией маркирования объекта и локализатора (*dative shift*):

(11) <...> *ма нүүчты* (LOC_{DAT}) *өлэм* (OB_{ACC}) *мэлэм* [13, с. 6] 'отдам я тебе свою сестрицу'

(12) *Ма нүүчт (LOC_{ACC}) үирэхэт (OB_{INSTR}) мэлэм* [19, с. 195] 'Я тебе мешок дам'

Выбор конструктивных вариантов всех типов может рассматриваться как в определенной степени обусловленный коммуникативными факторами, что подтверждает выводы, сделанные предшествующими исследователями. Употребление членов оппозиций типа II и III, рассматриваемых как маркированные (объектного спряжения и страдательного залога), как правило, ассоциировано с контекстуальной предопределенностью предметных компонентов ситуации (в II – объекта, в III – объекта или локализатора в зависимости от типа страдательной конструкции). Стратегия маркирования локализатора винительным падежом, а объекта – творительным характерна для контекстов, в которых объект входит в рему высказывания. Согласование наречий в позиции локализатора с субъектом по числу и употребления расширенных вариантов указательных местоимений наблюдается в высказываниях с рематизированным локализатором.

Тем не менее, значимость конструктивных вариантов как элемента коммуникативной системы ограничена рядом факторов. Во-первых, рассматриваемые оппозиции актуальны только для части рассматриваемых ТСС или отдельных направлений их реализации: I – для бытийных ТСС с эллипсисом предиката, III – ТСС перемещения и движения, II и IV – ТСС перемещения. Актуальность III для ТСС движения и IV для ТСС перемещения

ограничена тем, что их маркированные варианты совместимы только с определёнными прототипическими типами пространственной локализации (в первую очередь движением по направлению к локализатору) и способом выражения локализатора (падежные именные группы).

Во-вторых, употребление маркированных членов оппозиций II и III имеет, по всей видимости, факультативный характер. Это выражается в том, что контекстуальная предопределенность предметных компонентов ситуации только в части примеров не обязательно влечет за собой употребление маркированного члена оппозиции, что может быть обусловлено более комплексными факторами, такими как общая стратегия построения текста.

В-третьих, сопоставление употребления конструктивных и линейно-интонационных вариантов показывает их взаимосвязанность. Варианты типа I и IV формируют оппозиции, сходные с линейно-интонационными, и потому имеют тенденцию к совмещению с ними. Так, рематичность объекта ТСС перемещения выражается одновременно его помещением в предпредикатную позицию и маркированием творительным падежом, а локализатора бытийной ТСС при эллипсисе предиката – его помещением в конец высказывания, согласованием с субъектом и употреблением расширенного варианта указательного местоимения. Ограниченнность употребления конструктивных вариантов позволяет в таких контекстах рассматривать формируемые ими оппозиции как вторичные по отношению к линейно-интонационным. Так как употребление вариантов типа II и III связано с контекстуальной предопределенностью предметного компонента, которая может характеризовать как рему, так и тему высказывания, то они, наоборот, сочетаются с разными типами линейно-интонационных вариантов и потому не дублируют, а дополняют информацию, сообщаемую линейно-интонационной структурой.

2. Типология коммуникативных систем Р. Ван Валина

Типология коммуникативных систем, ориентированная на набор средств выражения коммуникативных оппозиций, предложена Р. Ван Валином [11]. Она учитывает два критерия. Первый характеризует подвижность порядка составляющих: выделяются языки, обладающие низкой или высокой подвижностью порядка составляющих (в терминах Р. Ван Валина «жестким» и «гибким синтаксисом»). Второй критерий характеризует языки с точки зрения подвижности позиции темы и ремы в линейной структуре высказывания (в терминах Р. Ван Валина языки с «жесткой» и «гибкой» фокусной структурой). В языках с гибкой фокусной структурой потенциальной областью ремы (англ. *potential focus domain*) является любая часть высказывания, в то время как в языках с жесткой фокусной структурой эта область ограничена только определенной его частью. Пересечение этих двух признаков приводит к выделению четырех типов языков, примеры которых представлены в Табл. 2.

Таблица 2. Примеры типов языков в классификации Р. Ван Валина

		Позиция ремы	
		Ограниченнная	Свободная
Порядок составляющих	Фиксированный	I: французский, тобабатак	III: английский, тура
	Вариативный	II: сесото, итальянский	IV: русский, польский

Каждый тип коммуникативной системы отличается совокупностью признаков, которые охарактеризованы Р. Ван Валином следующим образом.

В языках **типа I** ограниченное позиционирование ремы и слабая подвижность порядка составляющих требует широкого использования конструктивных вариантов синтаксических структур и других специализированных средств, которые позволяют передвинуть каждый компонент в линейную позицию, соответствующую его коммуникативной функции. Примером этого типа был бы язык, в котором основным способом выражения оппозиции между высказываниями с разными рематическими актантами является использование залоговой трансформации, как показано в Табл. 3-4.

Таблицы 3-4. Противопоставление высказываний в языках типа I с применением залоговой трансформации

Высказывание	Я	купил	книгу.
АЧ		T	R
Высказывание	Книга	куплена	мной.
АЧ		T	R

В языках **типа II** ограниченность позиции ремы компенсируется за счет вариативности порядка составляющих. Например, если в языке положение в начале высказывания не совместимо с ремой, то компонент, для которого в других условиях характерно размещение в начале высказывания, при рематизации может быть перемещен в его конец (Табл. 5-6).

Таблицы 5-6. Противопоставление высказываний в языках типа II с применением варьирования порядка составляющих

Высказывание	Я	купил	книгу.
АЧ		T	R
Высказывание	Книгу	купил	я.
АЧ		T	R

В языках **типа III** ремой может быть любой компонент независимо от позиции в высказывании, однако порядок компонентов неизменен. В таком случае широкое значение приобретает использование средств, позволяющих маркировать компонент как рематический при неизменности его места в высказывании. Соответственно, в таких языках встречаются развитые системы оппозиций, обусловленных интонационными, лексическими или грамматическими маркерами коммуникативных статусов. В Табл. 7-8 приведен пример такой оппозиции, образуемой при помощи интонационного выделения рематизированного компонента.

Таблицы 7-8. Противопоставление высказываний в языках типа III с применением варьирования интонационного выделения рематизированного компонента

Высказывание	Я	купил	книгу.
АЧ		T	R
Высказывание	Я	купил книгу.	
АЧ		R	T

В языках **типа IV**, которые часто называются языками со свободным порядком слов, линейная и коммуникативная структура не адаптируется друг к другу, как в остальных

случаях, а находятся в сложном взаимоотношении. В таких языках, как правило, допустимо большое количество вариантов порядка составляющих в синтаксических структуре, обусловленное комплексом разнородных факторов. Следствием открытости коммуникативной структуры таких языков является то, что они могут располагать множеством разнотипных средств выражения одной и той же коммуникативной оппозиции и потому в них могут реализовывать все типы оппозиций, представленные в Табл. 3-8.

3. Коммуникативная система СДХЯ в свете типологии Р. Ван Валина

Рассмотрим коммуникативную систему СДХЯ с точки зрения критериев, предложенных Р. Ван Валином.

Вариативность порядка составляющих

При характеристике вариативности порядка составляющих необходимо различать две перспективы на это явление. Традиционным является анализ порядка составляющих как типологического признака, определяемого набором допустимых или частотных вариантов расположения компонентов в предложении. С этой точки зрения порядок составляющих СДХЯ может быть охарактеризован как вариативный, но ограниченный, так как разные расположения компонентов в рамках одной ТСС (например, S LOC PR и LOC S PR) являются допустимым и частотным, однако существуют варианты расположения компонентов, не встречающиеся в рассматриваемой выборке или встречающиеся чрезвычайно редко (например, S PR LOC). В этом контексте СДХЯ не сопоставим с по характеру вариативности порядка составляющих языками, рассматриваемыми в качестве примеров типов II и IV в классификации Р. Ван Валина.

При анализе вариативности порядка составляющих с перспективы коммуникативной парадигматики значимым является не сам факт того, что порядок составляющих вариативен в определенных пределах, а то, что его варьирование может быть основанием для противопоставления высказываний разных типов. По этому критерию СДХЯ относится к типу языков с вариативным порядком составляющих, что становится явным при его сопоставлении с языками типов I и III, где оппозиции типа S LOC PR и LOC S PR, составляющие базис коммуникативной системы СДХЯ, могут быть достижимы только путём использования конструктивных средств варьирования.

Таким образом, мы считаем закономерным отнести СДХЯ к группе языков с вариативным порядком составляющих.

Позиция ремы

Характерной чертой коммуникативной системы СДХЯ является наличие в ней устойчивой тенденции к помещению рематических именных компонентов в предпредикатную позицию. С учетом того, что предикат занимает конечную позицию в высказываниях с рематизацией предиката, может быть предложен вариант описания этой системы, в котором потенциальная область ремы ограничена предикатом и непосредственно предшествующим ему компонентом (Табл. 9).

Таблица 9. Вариант потенциальной области ремы в СДХЯ, учитывающий прототипическую стратегию размещения рематических компонентов в предпредикатной позиции

... COMP ₃ COMP ₂	COMP ₁	PR
потенциальная область ремы		

Ограничение, сформулированное таким образом, не охватывает всю систему коммуникативных вариантов, так как не согласуется с существованием коммуникативных вариантов типа **S*** LOC PR при непрототипическом выражении локализатора. Для того, чтобы учесть такие высказывания, предложенная формулировка может быть уточнена путем введения в потенциальную область ремы дополнительного компонента COMP₀ с соответствующими ограничениями на его тип (Табл. 10).

Таблица 10. Расширенный вариант определения потенциальной области ремы в СДХЯ, учитывающий возможность размещения замкнутого круга компонентов (COMP₀) в позиции между рематическим компонентом и предикатом

...	COMP ₃	COMP ₂	COMP ₁	COMP ₀	PR
потенциальная область ремы					

Таким образом, наш анализ позволяет сконструировать ограничение на позицию ремы, хотя это ограничение не является настолько жестким, как в других языках, рассмотренных Р. Ван Валином (например, сесото и сетсвана, в которых невозможно появление рематических компонентов перед предикатом [11, с. 517]). По этой причине позиция ремы в СДХЯ может быть охарактеризована как относительно ограниченная.

Сопоставление этих классификационных признаков позволяет охарактеризовать коммуникативную систему СДХЯ как систему переходного типа, в которой преобладают черты типа II. Действительно, наше исследование показывает, что базовые коммуникативные оппозиции в СДХЯ обеспечиваются за счет варьирования порядка составляющих, как характерно для языков этого типа. Специфичной чертой СДХЯ, выделяющей его на фоне языков этой группы, является расширенная потенциальная область ремы, благодаря которой между компонентами, лежащими внутри этой области, возможны периферийные оппозиции, обеспечивающиеся средствами интонации (**S LOC*** PR – **S*** LOC PR). Наличие таких оппозиций сближает СДХЯ с языками типа IV, характеризующимися свободной позицией ремы.

Заключение

Представленные результаты контрастируют с оценками, приводимым в предшествующих публикациях, затрагивающих вопрос соотношения компонентов плана выражения в коммуникативной системе СДХЯ, в частности, в статье Н. Б. Кошкаревой [9] и в обзорных публикациях по уральским языкам [12]. В этих публикациях морфосинтаксические средства (употребление пассивной конструкции, объектного спряжения и стратегии с инструментальным маркированием объекта) рассматриваются как центральные элементы системы средств выражения коммуникативных значений, а порядок составляющих характеризуется как маловариативный и малозначимый. Н. Б. Кошкарева дает следующую оценку роли порядка составляющих в хантыйском языке: «В хантыйском языке, в отличие от русского, порядок слов не является основным средством выражения актуального членения, так как возможности его варьирования ограничены» [9, с. 34]. Авторы раздела «The Oxford Guide to the Uralic languages», посвященного информационной структуре, не относят порядок составляющих к средствам, входящим в инвентарь информационной структуре хантыйского языка [12, с. 1033]. Этот факт рассматривается как одно из оснований для типологического обосновления сибирских уральских языков: «Siberian languages form a separate area with their fixed word order, object agreement, and dative shift, and the Ob-Ugric languages – as their core – also with a strong, topicalizing passive» («Сибирские языки формируют отдельную зону

[характеризующуюся] фиксированным порядком слов, объектным согласованием и *dative shift*, и [в случае] обско-угорских языков, составляющих их ядро – сильным топикализирующим пассивом) [\[12, с. 1034\]](#).

Наше исследование позволяет ставить под сомнение эти утверждения в контексте коммуникативной вариативности бытийно-пространственных ТСС. В основе этого расхождения лежат два аспекта традиционного анализа коммуникативной системы, нашедших отражение в указанных работах. Во-первых, преимущественное обращение к ТСС с позицией объекта и, соответственно, характерным для них конструктивным вариантам, которые не характерны для других типов ТСС и потому не могут рассматриваться как определяющий элемент всей коммуникативной системы. Во-вторых, рассмотрение вариативности порядка составляющих бытийной ТСС как обособленного явления, лежащего вне общих закономерностей коммуникативной системы, которое обусловлено противопоставлением экзистенциальных и локативных конструкций на уровне структурно-семантических, а не коммуникативных вариантов этой ТСС. Совокупность этих факторов приводит к недостаточной репрезентации порядка составляющих как общего средства коммуникативного варьирования широкого круга ТСС, и, как следствие, недооценке типологической близости как хантыйского, так и других языков со сходными коммуникативными системами к языкам с более вариативным порядком составляющих.

Представленные наблюдения показывают типологическую близость СДХЯ не только к другим диалектам хантыйского языка (как восточным [\[23\]](#), так и западным [\[8-9\]](#)), но и к другим языкам западносибирского ареала, коммуникативные системы которых, как показывают последние исследования [\[24-29\]](#), характеризуются множеством сходных черт: вариативным порядком составляющих, обусловленностью его варьирования коммуникативными факторами, часто с тенденцией к помещению речетических компонентов в предпредикатную позицию, и наличием в разной степени жестких ограничений на помещение компонентов в постпредикатную позицию. В этом контексте коммуникативная система СДХЯ может рассматриваться как репрезентирующая один из устойчивых типов коммуникативных систем, распространённых в западносибирском ареале. Перспективным представляется проведение комплексных сопоставительных исследований, направленных на определение степени сходства и характера различий между системами такого типа с учетом анализа характера взаимодействия средств, задействованных при коммуникативной парадигматике разных ТСС.

Библиография

1. Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 14-26. EDN: TWKTLN.
2. Плотников И. М. Интонационная система сургутского диалекта хантыйского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2. С. 25-43. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-95-106 EDN: AZWJFR.
3. Плотников И. М. Коммуникативная вариативность бытийной типовой синтаксической структуры в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 269-285. DOI 10.17223/18137083/83/21 EDN: CHKIVI.
4. Плотников И. М. Коммуникативная вариативность типовой синтаксической структуры движения в сургутском диалекте хантыйского языка // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 207-222. DOI 10.17223/18137083/86/15 EDN: IUFHVR.
5. Терешкин Н. И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и

- самодийские языки. М.: Наука, 1966. С. 319-342.
6. Хонти Л. Хантыйский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 301-318.
7. Чепреги М. Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: 2017. EDN: YQGRQT.
8. Nikolaeva I. Ostyak. München: Lincom Europa, 1999.
9. Кошкарева Н. Б. Средства выражения актуального членения в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении с другими уральскими языками и диалектами хантыйского языка) // Вестник НГУ. 2007. Т. 6. Вып. 2. С. 34-43.
10. Sosa S. Functions of morphosyntactic alterations, and information flow in Surgut Khanty discourse. Helsinki: Unigrafia, 2017.
11. Kim A. H. Preverbal focusing and type XXIII languages // Studies in syntactic typology. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. Р. 147-169.
12. Айпин Е. Д. Я слушаю землю / Отв. ред. А. С. Песикова. СПб.: Просвещение, 2003.
13. Чепреги М. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сборник / Под ред. А. С. Песиковой. Тюмень: Формат, 2015. EDN: YWVTCF.
14. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Йошкар-Ола: Любава, 2009. EDN: UOJNCN.
15. Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 53-65. DOI 10.25205/1818-7919-2018-17-9-53-65. EDN: YZJBNJ.
16. The Oxford Guide to the Uralic Languages / Ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press, 2022. 1115 p.
17. Плотников И. М. Существование как компонент семантики и коммуникативной парадигматики бытийных предложений // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 337-360. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-337-360 EDN: XPRBEG.
18. Три мудрых совета: сказки Полины Иудовны Нюгломкиной. На сургутском диалекте хантыйского языка с переводом на русский язык / Отв. ред. А. С. Сопочина (Песикова). Новосибирск: Гео, 2020. DOI: 10.21782/B978-5-6043022-5-5 EDN: PWSRZO.
19. ӦимәӦи йө՞втәм монътъәт, ясӦәт (Сказки, рассказы с реки Лямы): фольклорный сборник на языке сургутских ханты / Сост. А. С. Песикова, А. Н. Волкова; ред. Н. А. Белова. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2013.
20. Голоса Югана. Сборник фольклора Йавэн-йах / О. Э. Балалаева, Е. П. Сурломкина, О. Э. Уигет. Сургут: Печатный мир г. Сургут, 2021.
21. Kulonen U.-M. The passive in Ob-Ugrian. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.
22. Van Valin R. D. Jr. A typology of the interaction of focus structure and syntax // Типология и теория языка: от описания к объяснению. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 511-524.
23. Filchenko A. Y. A Grammar of Eastern Khanty. Houston: Rice University, 2007.
24. Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Изменение базового порядка слов в центральных диалектах селькупского языка на основе данных конца XX – начала XXI вв. // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2018. № 4 (22). С. 39-49. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-4-39-49 EDN: YQPBLV.
25. Крюкова Е. А., Ковылин С. В., Лемская В. М., Токмашев Д. М., Фильченко А. Ю. Порядок слов и информационная структура предложения в языках обско-енисейского языкового ареала // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала. Т. 7. Томск: Аграф-Пресс; Вайар, 2020. С. 19-29. EDN: QSQPSG.
26. Лемская В. М. Порядок слов в нижнечулымском диалекте чулымско-туркского языка: диахронический аспект // Томский журнал лингвистических и антропологических

- исследований. 2020. № 4 (30). С. 41-59. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-4-41-59 EDN: VGRGNK.
27. Токмашев Д. М. О порядке слов в простом предложении в телеутском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 4 (30). С. 73-82. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-4-73-82 EDN: ZTDVYN.
28. Virtanen S. A template approach to pragmatic constituent order variation in modern Northern Mansi // Finnisch-Ugrische Forschungen. 2021. Vol. 66. P. 188-234. DOI: <https://doi.org/10.33339/fuf.95133> EDN: CHSZVS.
29. Lemskaya V. Word order variation in Chulym Turkic of Siberia // Word Order Variation: Semitic, Turkic and Indo-European Languages in Contact. Walter de Gruyter GmbH, 2022. P. 181-195.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных типовых синтаксических структур сургутского диалекта хантынского языка в типологической перспективе», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду важности изучения языков народов Российской Федерации. С учетом отдаленности данного региона от федерального центра, а также этнокультурного ландшафта данного региона, включающий этно- и лингвокультуры различных народностей, характеризуется влиянием длительных этнокультурных контактов на развитие языков и культуры коренного населения, данная тематика является актуальной для филологии. Еще одной проблемой, с которой сталкиваются исследователи ряда языков народов Российской Федерации, это малое количество языковых источников. В рецензируемой работе указанная проблема была успешно преодолена.

Автор ставит задачу рассмотреть коммуникативную систему хантынского языка – одного из языков малочисленных коренных народов Сибири – на материале одного из его диалектов (сургутского) с целью выявления черт, актуальных для её характеристики с перспективы типологической и ареальной лингвистики.

Практическим материалом исследования явился корпус, состоящий в основном из фольклорных и художественных текстов на сургутском диалекте хантынского языка. К сожалению, автор не указывает объем корпуса исследования и методологию формирования и обработки. Основной для дальнейшего анализа является выборка из 1601 реализаций рассматриваемых типовых синтаксических структур.

В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автором применялся междисциплинарный подход, используются как методы собственно языкознания, так и общенаучные методы анализа. Отметим наличие сравнительно небольшого количества исследований по данной тематике в отечественном языкознании. Статья является новаторской, одной из первых в российской лингвистике, посвященной исследованию подобной тематики.

Структурно отметим, что данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, упоминание основных исследователей данной тематики, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные

автором. Однако отметим, что автор не обращается к анализу работ предшественников, посвященных данной тематике, что не позволяет достоверно судить о новизне исследования и существенном приращении научного знания.

Библиография статьи насчитывает 29 источников, среди которых представлены труды как на русском языке, так и на иностранном. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как кандидатские и докторские диссертации.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в процессе преподавания вузовских курсов по теории языка и практикума по языкам народов России. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Коммуникативная вариативность бытийно-пространственных типовых синтаксических структур сургутского диалекта хантыйского языка в типологической перспективе» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.